

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.053-068

Л. А. Воскобитова*

Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших¹

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с защитой и обеспечением прав потерпевшего при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях на начальном этапе уголовного судопроизводства; обосновывается необходимость совершенствования практики возбуждения уголовного дела, судебной статистики с целью неукоснительного выполнения ст. 52 Конституции РФ, а также предложения о цифровизации данного этапа уголовного судопроизводства.

Автор подчеркивает, что уголовное судопроизводство должно рассматриваться как единая государственно-властная деятельность, начинающаяся с появления сообщения о совершенном преступлении и завершающаяся окончательным разрешением всех материально-правовых и процессуально-правовых вопросов, возникающих по данному делу. Ввиду этого процесс цифровизации уголовного судопроизводства должен строиться на единой платформе, связывающей не только все стадии производства, но и должностных лиц любого из ведомств, осуществляющих отдельные этапы этой деятельности. Такая платформа должна быть в пределах, установленных законом, доступна всем участниками процесса, чьи права и интересы затрагиваются данной деятельностью. Это должна быть гибкая цифровая система, обеспечивающая по одним параметрам тайну производства, в том числе тайну следствия, охрану чести и достоинства человека, его право на тайну личной жизни, семейную и другие охраняемые законом тайны. Но по другим параметрам она должна быть открыта для доступа человека, вовлекаемого в данное производство, его защитника, представителя. Кроме того, по некоторым параметрам, не противоречащим закону, она должна быть доступна и иным лицам, например для проведения научных исследований и обобщения практики уголовного судопроизводства по уже разрешенным уголовным делам; для средств массовой информации, обеспечивающих обществу доступ к информации о судопроизводстве по отдельным делам или при общественном обсуждении отдельных правовых проблем, а иногда и для защиты прав человека в сфере уголовного судопроизводства и т.п.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; потерпевший; сообщение о преступлении; судебная статистика; цифровизация; функциональный подход; единая платформа (портал); обеспечение прав.

Для цитирования: *Воскобитова Л. А.* Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73. — № 4. — С. 53—68. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.053-068.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041. Материалы были частично апробированы в выступлении автора на Координационном совете Уполномоченных по правам человека 11 декабря 2019 г., г. Москва.

© Воскобитова Л. А., 2020

* *Воскобитова Лидия Алексеевна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

lavoskobitova@msal.ru

Digitalization of the Initial Stage of Criminal Proceedings as a Necessary Means of Ensuring the Rights of Victims²

Lidia A. Voskobitova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lavoskobitova@msal.ru

Abstract. The paper deals with the problems related to the protection and enforcement of the rights of the victim during acceptance, registration and examination of reports of crimes at the initial stage of criminal proceedings. The author substantiates the necessity of improving the practice of initiation of criminal proceedings, the judicial data for the purpose of precise implementation of Art. 52 of the Constitution of the Russian Federation, as well as proposals on digitalization at this stage of criminal proceedings.

The author emphasizes that criminal proceedings should be considered as a uniform state power activity, beginning with a report on the committed crime and ending with the final resolution of all substantive and procedural issues arising in the case. In view of this, the process of digitalization of criminal proceedings should be based on a single platform linking not only all stages of the proceedings, but also officials of any of the departments carrying out certain phases of this activity. Such a platform should comply with the statutory framework, be accessible to all participants in the process whose rights and interests are affected by the activity under consideration. The platform should represent a flexible digital system that secures the secret of production with regard to some parameters, including investigatory privilege, protection of the honor and dignity of a person, his or her right to privacy, family and other secrets protected by law. But according to other parameters it should be accessible for the person involved in this proceeding, his advocate and representative. In addition, according to certain parameters complying with the law, this platform should also be accessible for other persons to conduct research and to summarize the practice of criminal proceedings in the past; for the media providing the public with access to information about the proceedings in certain cases or in the public debate on certain legal issues, and it should be available to enforce protection of human rights in the field of criminal proceedings, etc.

Keywords: criminal proceedings; victim; crime reporting; judicial data; digitalization; functional approach; unified platform (portal); ensuring rights .

Cite as: Voskobitova LA. Tsifrovizatsiya nachalnogo etapa ugovnogo sudoproizvodstva kak neobkhodimoe sredstvo obespecheniya prav poterpevshikh [Digitalization of the Initial Stage of Criminal Proceedings as a Necessary Means of Ensuring the Rights of Victims]. *Lex russica*. 2020;73(4):53—68. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.053-068. (In Russ., abstract in Eng.).

Возможности цифровизации уголовного судопроизводства активно обсуждаются в процессуальной литературе, на научных конференциях, круглых столах и семинарах³. Постепенно вырисовываются те области российской уголовно-процессуальной практики, где новые технологии уже успешно, но пока еще фрагментарно

применяются и дают положительный эффект. К ним можно отнести широкое использование возможностей цифровых видеорегистраторов для выявления и расследования преступлений⁴; использование цифровой информации в доказывании при расследовании преступлений⁵, в том числе совершенных с использованием

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16041.

The research was partially represented in the author's speech at the meeting of the Coordinating Council of Human Rights Commissioners on December 11, 2019, Moscow.

³ При подготовке статьи использованы материалы СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Презентация к отчету «О выполнении Государственной программы города Москвы “Безопасный город” в 2017 году и задачах по обеспечению безопасности города Москвы на 2018 год» // Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/drbez/documents/programma-bezopasnyi-gorod/view/215646220/> (дата обращения: 5 февраля 2020 г.).

⁵ См.: Обидин К. В. О соотношении оснований для возбуждения уголовного дела и оснований для предъявления обвинения в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 147—155.

компьютерной техники⁶; ведение аудиозаписи протокола судебного разбирательства; возможность коммуникации суда с участниками процесса посредством электронных средств связи; использование видео-конференц-связи в судебных заседаниях⁷. Одновременно выявляются те области уголовно-процессуальной деятельности, которые требуют модернизации, но пока еще не затронуты ею. К ним относятся отдельные этапы или относительно обособленные блоки процессуальной деятельности, где, во-первых, имеется достаточная степень формализации процедур; во-вторых, значительную роль играет субъективный фактор, в силу чего должностное лицо имеет возможность безнаказанно «обходить» требования закона, в связи с чем «объективизация» действий и результата с помощью цифровых технологий приема, накопления и обработки информации становится необходимой; в-третьих, действующее состояние практики создает острые социально-правовые проблемы, обусловленные нарушениями прав человека, провоцирующими недоверие общества к правоохранительным органам и сударству в целом.

Указанным признакам в современной практике уголовного судопроизводства отвечает, например, этап получения и процессуальной фиксации сообщения о преступлении и реагирования на него. Поэтому вопрос о необходимости цифровизации этого этапа стоит наиболее остро⁸. От выполнения и соблюдения всех предписаний закона и локальных нормативных актов зависит реализация права потерпевшего на защиту от преступления и его доступ к правосудию. Как известно, с сообщением о преступлении в правоохранительные органы может обратиться любой человек, которому стало известно о совершенном преступлении, в том числе сам пострадавший. Немалую долю сообщений дают и служебные рапорты сотрудников полиции или иных правоохранительных органов, которые самостоятельно выявляют совершенные преступления в процессе своей профессиональной деятельности. Однако формальных предписаний оказывается недо-

статочно, чтобы права потерпевшего были защищены.

Следует сразу уточнить некоторые из формальных предписаний. Уголовное судопроизводство начинается лишь в случае *совершенного* преступления: т.е. *совершения* деяния, в котором уже содержатся определенные признаки конкретного состава преступления, установленного Особенной частью УК РФ. В этом смысле привычное выражение, используемое в том числе в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, «сообщение о *совершенном* или *готовящемся* преступлении...» представляется неточным и вводящим в заблуждение правоприменителя. Следует отличать *совершенное* преступление как фактически осуществленное деяние, которое согласно определенной статье Особенной части УК РФ влечет уголовную ответственность, в том числе и в тех случаях, когда такая ответственность предусмотрена уже на стадиях приготовления или покушения, от *готовящегося* преступления. Наличие достаточных данных о том, что деяние уже *совершено* и оно подпадает под признаки конкретного состава преступления, требует возбуждения уголовного дела и начала его расследования. Наличие данных о *готовящемся* преступлении, когда признаки состава еще фактически не проявились, но происходит обдумывание и/или обсуждение возможности/желательности совершения преступления, происходит совершение отдельных подготовительных действий, которые сами по себе еще не охватываются положениями Особенной части УК РФ, — все это требует иных методов оперативного реагирования. Возникает необходимость в совершении правоохранительной деятельности, направленной на выявление подобной подготовки и ее пресечение, но не уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому при приеме сообщений о преступлении необходимо выделять информацию только о *совершенных* в реальности действиях, в которых уже проявились признаки того или иного состава преступления, даже если такой состав на момент обнаружения еще не окончен или последствия не наступили по независящим от

⁶ Например: *Оконенко Р. И.* Доказательственное право Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в информационную эпоху: уголовно-процессуальный аспект // Юридический вестник СамГУ. 2015. Т. 1. № 3. С. 145—149; *Антонян Е. А., Аминов И. И.* Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 167—177.

⁷ См., например: *Бормотова Л. В.* Особенности информационно-коммуникативного обеспечения уголовного судопроизводства // Вестник ОГУ. 2013 № 3. С. 118—121.

субъекта причинам, однако это не исключает уголовной ответственности.

Второе важное замечание связано с пониманием *оснований* для возбуждения уголовного дела. Полагаем, что указание в ч. 2 ст. 140 УПК РФ на необходимость устанавливать в качестве такого основания достаточные данные о «*признаках преступления*» также сформулировано неточно. Оно входит в противоречие с принятыми понятиями и категориями теории уголовного права и с системным правовым регулированием. К признакам преступления теория уголовного права, как известно, относит общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния, что нашло закрепление в ч. 1 ст. 14 УК РФ⁹. Эти признаки принципиально важны для различения преступлений и иных правонарушений и, безусловно, должны учитываться при проверке сообщений. Отсутствие хотя бы одного из указанных признаков должно влечь за собой отказ в возбуждении уголовного дела. При этом остается возможность применения к правонарушителю иных видов ответственности, например административной, если есть для этого основания¹⁰. Однако при решении вопроса о возбуждении уголовного дела разрешаются еще и принципиально иные вопросы. Можно ли начинать расследование по выявленному факту или в отношении конкретного лица? Кто вправе вести расследование? В какой процессуальной форме оно должно осуществляться? Для решения возникающих вопросов следует различать материально-правовую основу уголовной ответственности и процессуальную основу для продолжения процессуальной деятельности. Единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего *все признаки состава преступления* (ст. 8 УК РФ), что требует предметной уголовно-правовой оценки информации на начальном этапе уголовного судопроизводства. Уголовное

дело может быть возбуждено только при том условии, что достаточные данные позволяют выявить признаки *конкретного состава преступления*. Выявления в информации только общих признаков преступления явно недостаточно, чтобы принять решение о возбуждении уголовного дела и определить его подсудственность. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 146 УПК РФ, в постановлении о возбуждении уголовного дела правоприменитель обязан указать не ч. 1 ст. 14 УК РФ, а пункт, часть, статью Особенной части УК РФ, на основании которых возбуждается уголовное дело. Системный анализ уголовного и уголовно-процессуального права однозначно ориентирует правоприменителя на необходимость выявить в ходе проверки сообщения о преступлении конкретные признаки того состава преступления, по которому может быть возбуждено уголовное дело. На данном начальном этапе производства не требуется выявлять весь объем таких признаков, потому что здесь решается не «конечный» вопрос об уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), а «начальный» вопрос о том, какими процессуальными средствами и процедурами вправе пользоваться правоприменитель. Для начала применения уголовно-процессуальных процедур достаточно выполнить требования ч. 1 ст. 146 УПК РФ, что не препятствует в последующем производстве по данному делу изменять квалификацию, расширять или сужать объем обвинения и даже прекращать дело производством. Эти положения очень важны для обеспечения прав потерпевшего путем оперативного и своевременного возбуждения дела. Тем большее значение они приобретают для разработки цифровых программ автоматизированного онлайн-приема и регистрации сообщений о совершенном преступлении, способных более эффективно обеспечить потерпевшему саму возможность получить доступ к правосудию через процедуру досудебного производства.

⁸ См.: Масленникова Л. Н., Собенин А. А. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. 2019. № 6. С. 12—16.

⁹ Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. 5-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2011. Т. 1. С. 292—300.

¹⁰ Соотношение и самостоятельное значение признаков преступления и признаков состава преступления показано и Конституционным Судом РФ, который подчеркнул важность различения этих признаков. Например, при наличии формальных признаков состава преступления, но отсутствии фактических данных об общественной опасности деяния суд не может привлекать лицо к уголовной ответственности, так же как не может делать этого без прямого указания о том в законе (постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-п «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 УК РФ в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина». П. 4.1, 4.2 // СПС «КонсультантПлюс»).

Современные проблемы обеспечения прав потерпевших в уголовном судопроизводстве обусловлены еще и динамикой, состоянием преступности в данный период времени. Так, на протяжении уже нескольких лет права потерпевших нарушаются чаще всего хищениями имущества: кражами, грабежами, разбоями, мошенничеством и пр., когда лицу преступлением причиняется имущественный вред. Такие преступления составляют более 50 % от всех дел, рассматриваемых судами¹¹. Другая относительно значительная группа — это насильственные преступления, причиняющие, например, физический вред здоровью, жизни, половой неприкосновенности человека и т.п., составляющие примерно около 29 % уголовных дел. Последствием насильственных преступлений может быть также и имущественный вред, требующий возмещения, например, затрат на лечение, протезирование, восстановительное санаторное лечение и пр. Как известно, любое преступление способно причинить потерпевшему еще и моральный вред, компенсация которого также может быть выражена в денежной форме, а размер компенсации должен быть определен судом. Эти две группы преступлений составляют почти 70 % дел, рассматриваемых судами за год, следовательно, количество потерпевших соответствует или превышает эту цифру. По данным исследователей, в России ежегодно регистрируется примерно 11—12 млн сообщений о преступлениях, из которых порядка 10—11 млн, т.е. 90 % сообщений, рассматривают органы МВД¹². И если в этом количестве преступлений примерно в 80 % уголовных дел имеется потерпевший, то это более 9 млн потерпевших ежегодно. Одна только статистика судимостей должна была бы поставить фигуру потерпевшего в центр уголовно-процессуальной деятельности с момента обращения с сообщением о преступлении и до окончательного разрешения уголовного дела судом. Это пря-

мо вытекает и из содержания ст. 52 Конституции РФ, согласно которой каждому потерпевшему государством обеспечивается доступ к правосудию и компенсация причиненного вреда. Однако ситуация в современной практике уголовного судопроизводства показывает, что правоохранительные органы ориентируются в первую очередь не на Конституцию РФ, а на статистические показатели, учитывающие количество зарегистрированных преступлений, лиц, привлеченных к ответственности, дел, направленных в суд, и т.п. Отношение к потерпевшему, объективно выраженное в формах статистической отчетности, явно не соответствует требованиям права.

Следует отметить также, что правоохранительные органы пока не могут указать точные данные о количестве совершаемых преступлений и количестве лиц, фактически потерпевших от преступления. По мнению криминологов, далеко не все преступления по разным причинам попадают в учет. Реальное количество совершаемых преступлений по разным методикам подсчетов в 4—7 раз больше, чем данные официальной статистики¹³. Следовательно, можно предположить, что количество реальных потерпевших также существенно больше. Известно и то, что жертвы преступлений далеко не всегда обращаются в правоохранительные органы за защитой нарушенных прав, а уровень доверия населения к правоохранительным органам оставляет желать лучшего. Многие исследователи отмечают, что на начальном этапе уголовного судопроизводства все еще распространена практика, когда сотрудники правоохранительных органов руководствуются вовсе не интересами потерпевшего, а узко ведомственными интересами, учитывая, что одним из определяющих показателей качества их работы является количество дел, направленных ими в суд. Если сообщается о неочевидном преступлении и есть вероятность, что оно не

¹¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 г. // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 5 февраля 2020 г.).

¹² См.: Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. С. 36.

Аналогичные данные приводит А. А. Собенин (Собенин А. А. К вопросу о процессуальной форме судебного производства в условиях развития цифровых технологий // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума. М. : Проспект, 2019. Ч. 3. С. 251). Текущие данные о состоянии преступности можно найти на сайте Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной Прокуратуры РФ (URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 5 февраля 2020 г.)).

¹³ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : Норма, 1997.

будет раскрыто, такое дело лучше не возбуждать, чтобы не «портить статистику». Для этого используют «уговоры» заявителя не подавать заявления, откровенно объясняя ему бесполезность его надежды на раскрытие преступления и ожидание заслуженного наказания преступнику¹⁴. Далеко не все зарегистрированные сообщения о преступлении завершаются возбуждением уголовного дела. Например, в 2018 г. из 9 млн зарегистрированных в МВД сообщений о преступлении по 6 млн обращений было отказано в возбуждении уголовного дела. Возбуждено всего лишь 1,65 млн уголовных дел. Данных о судьбе оставшихся 1,45 млн обращений в статистике нет¹⁵. Из этого следует, что в 2018 г. потерпевшие смогли получить формальный доступ к правосудию лишь в тех делах, которые вошли в указанные 1,65 млн случаев. При этом в ходе прокурорского надзора за соблюдением закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, например, в 2017 г. было выявлено 3 793 667 нарушений и более чем 2 млн постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено прокурором¹⁶. Следует учитывать и тот факт, что катастрофически — до 70—80 % расширилась практика приостановления производства по уголовным делам¹⁷. За январь — сентябрь 2019 г. остаются нераскрытыми более 800 тыс. дел, из них более 97 % не раскрыто в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого¹⁸. В таких случаях вновь возникает непреодолимое препятствие для доступа потерпевших к правосудию. Значительная часть жертв преступлений остается без защиты правоохранительных органов, а ст. 52 Конституции РФ, в силу которой *каждому* потерпевшему от преступления обеспечивается

доступ к правосудию, в реальной практике не выполняется¹⁹.

Для изменения ситуации главные и первоначальные усилия, на мой взгляд, должны быть направлены на изменение всей *практики реагирования* на сообщения потерпевших: на усиление активности и ответственности должностных лиц правоохранительных органов за защиту и восстановление прав человека, нарушенных преступлением. Изложенное выше показывает, что подлинное отношение правоохранительных органов к потерпевшему зависит не столько от точности законодательного регулирования, сколько от «ориентирующих» показателей ведомственной статистики. В фокусе внимания последней стоят преступность и преступник, а также ряд организационных вопросов (сроки расследования; приостановление или прекращение дел; направление дела в суд и т.д.). Статистические учетные формы *не содержат даже упоминания о потерпевшем*. Поэтому первой и наиболее эффективной мерой должно стать совершенствование, в том числе цифровизация, статистики. Для учета эффективности работы правоохранительных органов необходимо сместить центр внимания с преступности на потерпевших и их защиту. Это требует всего лишь введения во все учетные статистические формы трех-четырёх строк, подлежащих заполнению при производстве по каждому уголовному делу: 1) количество потерпевших по уголовному делу, находящемуся в производстве, в том числе и по приостановленному; 2) вид вреда, причиненного потерпевшему, и размер заявляемых им требований о возмещении вреда или его компенсации; 3) количество гражданских исков, заявленных по уголовному делу потерпевшими;

¹⁴ См.: Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Указ. соч. С. 123—124.

¹⁵ Гаврилов Б. Я. Досудебное производство в XXI веке: современное состояние и перспективы совершенствования // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. С. 195.

¹⁶ Володина Л. М. Досудебное производство и механизм доступа к правосудию // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. С. 207—208.

¹⁷ Гаврилов Б. Я. Досудебное производство в XXI веке. С. 191. См. также: Статистические данные о результатах следственной работы за 2012—2018 г. // Следственный департамент МВД России. М., 2013—2018.

¹⁸ Статистические данные об основных показателях деятельности прокуратуры РФ. Состояние преступности в России за январь — сентябрь 2019 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление статистики и информационных технологий. Сборник подготовлен на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГ (URL: // [Chttps://genproc.gov.ru/stat/data/1681252/](https://genproc.gov.ru/stat/data/1681252/) (дата обращения: 5 февраля 2020 г.)).

¹⁹ На это обращают внимание и другие исследователи, например: Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 139.

4) решения, принятые по гражданскому иску. Такие изменения без особых реформ и достаточно оперативно превратят *потерпевшего* в процессуально значимую фигуру, сделав его *статистически значимой единицей учета*, и, следовательно, изменят *оценку* результатов работы органов расследования и суда.

Однако таких мер явно недостаточно, чтобы вывести правоприменительную практику на иной, «человеко-ориентированный» уровень деятельности, который в данный момент остро востребован обществом²⁰. Одной из наиболее эффективных и современных мер изменения практики работы с сообщениями о преступлениях представляется цифровизация регистрации и учета всех сообщений о совершенных преступлениях. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства возможна уже потому, что на этом этапе, с одной стороны, деятельность должностных лиц достаточно формализована и подчиняется алгоритму: сообщение — проверка — решение. С другой стороны, возникает острая проблема снижения той существенной роли, которую играют *субъективные* факторы и неправовые технологии «*обхода*» закона. Цифровизация способна заметно снизить негативные последствия субъективизма при принятии решений о регистрации сообщения о преступлении, о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Содержание начального этапа процессуальной деятельности может быть алгоритмизировано аналогично возникающим процессуальным задачам:

а) автоматическое принятие и официальная регистрация каждого сообщения о преступлении;

б) проверка наличия/отсутствия достоверных и достаточных данных о признаках состава преступления;

в) принятие законного и обоснованного решения по результатам проверки.

Цифровизация этапа получения сообщения о происшествии и его регистрации может быть обеспечена посредством разработки специализированной открытой онлайн-платформы (портала)²¹ и создания компьютерных программ, позволяющих любому заявителю обратиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении. С помощью специальных электронных бланков заявителю могут быть предложены ясные и понятные вопросы, не требующие специальных юридических знаний, ответы на которые позволят правоохранительным органам получить достаточный объем информации о том, что произошло. С точки зрения правоприменителя, выступающего получателем информации, эти вопросы должны охватывать юридически значимые обстоятельства, в которых проявляются признаки прежде всего объективной стороны преступления и первичные характеристики лица, совершившего эти действия. Но для заявителя вопросы должны быть построены по понятной ему логике обыденной информации о фактах. Электронный бланк должен включать:

а) *вопросы о самом заявителе*, обеспечивающие достоверность информации и возможность дальнейшей коммуникации с ним, в том числе предусматривающие технические меры защиты от ложных или анонимных обращений, от обращений лиц с неадекватным поведением и т.п.;

²⁰ Профессор Л. Н. Масленникова усматривает в этом необходимость смены парадигмы досудебного производства (см.: *Масленникова Л. Н.* Указ. соч. С. 143). Полагаю, что парадигма — это более общее понятие, охватывающее социальное сознание в целом на определенном историческом этапе развития, опирающееся на определенную систему ценностей и представлений (см. об этом подробнее: *Карнозова Л. М.* Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М.: Валент, 2010). Но следует согласиться с Л. Н. Масленниковой в том, что начальный этап уголовного судопроизводства и досудебное производство действительно требуют совершенствования и перестановки акцентов, изменения целеполагания данной деятельности в соответствии с требованиями ст. 2, 10, 15, 18, 52 и др. Конституции РФ.

²¹ В Государственную Думу внесен проект федерального закона № 745083-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре», который прошел первое чтение 24 сентября 2019 г. В нем предлагается создание единой базы учета преступлений, а оператором системы учета предлагается Генеральная прокуратура РФ (см.: СПС «КонсультантПлюс»). Подобные предложения в научных публикациях см.: *Таболкина К. А.* К вопросу о высокотехнологичном надзоре прокурора в уголовном процессе // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. С. 242.

- б) *вопросы о событии*, о котором заявитель хочет сообщить: когда и где произошло событие; в чем выразились действия, которые заявитель считает противоправными; чьи права (его собственные или третьего лица) были нарушены этими действиями; какой вред был причинен и в чем он выразился;
- в) *вопросы о лице (лицах), совершивших преступление*: кто совершил это деяние; знаком ли он заявителю, с указанием данных об известном лице; если не знаком — описание внешних характеристик незнакомого лица; указание, куда он направился (скрылся), где может быть обнаружен; сможет ли заявитель опознать лицо в случае его задержания и т.п.

При этом для сообщений о наиболее распространенных преступлениях компьютерная программа может предлагать заявителю еще и варианты возможных ответов, также формулируя их в понятных неюриту фактологических терминах и описаниях. Например, на вопрос «когда» могут быть предложены варианты: «указать дату, час, минуты»; «указать примерное время или часть суток — утром, днем, вечером, ночью; примерно после обеда» или «в начале дня», «в период с... до...» и т.п. Заявитель может выбирать наиболее адекватное описание, что существенно облегчает и ускоряет подачу такого сообщения. Следует учитывать и полномочия правоохранительных органов, а также ряда иных органов государства выявлять совершенные преступления и сообщать о них рапортом или иными способами (ч. 2 п. 2 ст. 37, ст. 38—39, ст. 40—41 УПК РФ). Чтобы такие сообщения не терялись в потоке обращений граждан, полагаем целесообразным вводить должностную информацию в таком же порядке через единую онлайн-платформу (портал), разработав соответствующую электронную форму служебного рапорта. При этом может быть создана развивающаяся программа, которая будет способна автоматически пополняться новыми вариантами ответов, почерпнутых из производства по предшествующим делам об аналогичных преступлениях.

Сообщения, поданные через онлайн-платформу (портал), должны оперативно поступать на рассмотрение компетентному должностному лицу. В российских реалиях это порождает проблемы взаимодействия множества разнообразных органов, правомочных получать такие сообщения, обязанных направлять их в правоохранительные органы или незамедлительно

реагировать на них. Это усугубляется огромной территорией государства со множеством территориальных органов, работающих в условиях различных часовых поясов, в удаленности от административных центров, что существенно затрудняет возможности оперативного взаимодействия при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений. Эти факторы затрудняют транспортное передвижение участников процесса в глубинных регионах страны, а с другой стороны, создают правонарушителю возможность скрываться от преследования. Поэтому цифровизация данного этапа процессуальной деятельности позволит обеспечивать оперативность деятельности как должностных лиц, проводящих проверку, так и лиц, уполномоченных осуществлять контроль и надзор за законностью, своевременностью и полнотой реагирования на такие сообщения в режиме реального времени.

Полагаем, что с учетом указанных условий целесообразно создать специальный государственный орган, осуществляющий полномочия администрирования онлайн-платформы (портала) сообщений о совершенных преступлениях. В российских условиях, как мне представляется, наиболее эффективным было бы возложить такие полномочия на органы прокуратуры. Это соответствует функции прокуратуры как единой федеральной централизованной системы органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 Закона о прокуратуре РФ). Прокуратура полномочна осуществлять надзор за законностью в государстве, в том числе за соблюдением прав человека и гражданина, за исполнением законов Следственным комитетом РФ, а также органами исполнительной власти, к которым относятся и правоохранительные органы, осуществлять координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре РФ), а также осуществляет процессуальные полномочия по надзору за законностью и своевременностью регистрации сообщений о преступлениях, законностью и обоснованностью разрешения таких сообщений (ст. 37, ч. 4 ст. 146, ч. 4—6 ст. 148 УПК РФ). В этой связи представляются целесообразными предложения о дополнении Конституции РФ положением об участии прокуратуры в осуществлении уголовного преследования. Полагаю, что это

позволило бы восстановить полномочия прокурора по самостоятельному возбуждению уголовных дел, по надзору за предварительным следствием, расширить права прокурора по принятию процессуальных решений взамен отмененных незаконных решений, например об отказе в возбуждении уголовного дела и т.п., что также оправдывало бы администрирование прокуратурой цифровых платформ, охватывающих уголовное судопроизводство.

Для возложения на прокуратуру функции администрирования онлайн-платформы (портала) приема и регистрации сообщений о преступлениях, возможно, потребуется, например, создание в органах прокуратуры специализированного отдела (управления). Разработка и внедрение разрозненных и автономных *ведомственных* программ цифровизации приема сообщений, без создания такого *координирующего органа*, не позволит обеспечить полный и единый учет всех сообщений о преступлениях; оперативность и полноту их проверки; законность и обоснованность их разрешения. В компьютерную программу приема и регистрации сообщений о преступлениях вполне можно заложить информацию о разных признаках подследственности. Это обеспечит онлайн-регистрацию в единой системе с оперативным направлением сообщения о преступлении для регистрации и учета в соответствующий орган расследования в зависимости от территории и характера происшествия самим компьютером в автоматическом режиме. При этом должна будет обеспечиваться возможность контроля всех автоматических действий администратором платформы (портала). Создание такой онлайн-платформы (портала) потребует взаимодействия всех заинтересованных ведомств. Потребуется привлечение к участию в разработке технических заданий наиболее квалифицированных теоретиков и практиков уголовного судопроизводства, а также консультирование ими специалистов в области цифровых технологий, разрабатывающих компьютерные программы для уголовного судопроизводства, и последующее участие их в апробации программ и всей онлайн-платформы (портала).

Цифровизация этапа *проверки сообщений* должна содействовать решению процессуальной задачи получения достоверной и достаточной юридически значимой фактической информации относительно зарегистрированного сообщения. Но прежде следует определиться с целями, содержанием и объемом проверочных действий. Постоянные (17 раз с момента введения в действие УПК РФ), но несистемные изменения законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела, и, в частности, проверки сообщений о преступлениях в этой стадии (ст. 144 УПК РФ с изменением редакций с 2003 по 2017 г., с учетом ряда постановлений Конституционного Суда РФ)²², существенно изменили целеполагание данной стадии, превратив ее в некий дублирующий аналог расследования. Цель изменений можно объяснить лишь стремлением органов расследования обеспечить всё те же статистические показатели: возбуждать дело, только собрав как можно больше доказательств преступления, т.е. имея определенные гарантии, что его можно будет после расследования направить в суд. Интересы потерпевшего при этом опять остаются второстепенными. Уже поэтому проверка сообщений тоже, по возможности, должна быть цифровизирована, однако здесь есть ряд ограничений. Проверка связана с необходимостью устанавливать *индивидуальные и уникальные* фактические проявления того события, которые излагаются в зарегистрированном сообщении. Все они не могут быть заранее спрогнозированы и включены в компьютерную программу, поэтому следует учитывать возможность проявления уникальности, не встречавшейся ранее в следственной практике. Это может выявить и учесть только человек — субъект проверки. Однако применение цифровых технологий способно существенно облегчить проведение проверки и ускорить принятие правоприменительного решения.

Для этого, во-первых, представляется необходимым техническое и содержательное усовершенствование справочно-правовых систем (СПС) и приспособление их к решению не только информационных, но и *правоприменитель-*

²² Изменения в регулирование стадии возбуждения уголовного дела вносились Федеральными законами от 29.05.2002 № 58-ФЗ; от 04.07.2003 № 92-ФЗ; от 12.04.2007 № 47-ФЗ; от 05.06.2007 № 87-ФЗ; от 02.12.2008 № 226-ФЗ; от 29.05.2009 № 58-ФЗ; от 09.03.2010 № 19-ФЗ; от 28.12.2010 № 404-ФЗ; от 06.12.2011 № 407-ФЗ; от 29.05.2012 № 58-ФЗ; от 05.06.2012 № 51-ФЗ; от 04.03.2013 № 23-ФЗ; от 05.04.2013 № 54-ФЗ; от 22.10.2014 № 308-ФЗ; от 30.12.2015 № 440-ФЗ; от 29.07.2017 № 250-ФЗ; от 27.12.2018 № 530-ФЗ, постановлением КС РФ от 18.10.2011 № 23-П (см. СПС «КонсультантПлюс»).

ных задач. Актуальной для должностного лица, проверяющего сообщение, является задача выявления признаков состава преступления в той фактической информации, которая будет поступать в электронную систему в момент получения и регистрации, а также проверки сообщения о совершенном преступлении. Официальные тексты законов, размещенные в СПС, снабжены достаточно объемными отсылками к иному нормативному материалу, помогающему уяснить текст и смысл той или иной статьи закона. Но для правоприменителя, особенно в условиях начального этапа уголовного судопроизводства, когда время проверки ограничено, а информации может быть крайне мало, требуется, чтобы нормативная база для оценки информации была в более оперативном доступе. Компьютерная программа для правоприменителя должна быть дополнена значительной по объему, но оперативно доступной информацией о возможных фактических проявлениях признаков любого из элементов состава преступления применительно к каждому из преступлений²³. При этом система должна не только накапливать объем такой информации, но и быть способной к анализу: в автоматическом режиме соотносить информацию из сообщения с имеющимися описаниями признаков, отыскивать и предлагать правоприменителю возможные варианты соответствия²⁴.

К сожалению, в тексте уголовного закона признаки состава различных преступлений, как правило, выражаются только в наиболее обобщенном виде, тогда как в теоретических исследованиях они даются весьма разрозненно и не всегда исчерпывающе. Поэтому для выполнения СПС потребуются специальные разработки обобщенной научной информации о признаках каждого элемента состава преступления для каждого преступления, предусмотренного в УК РФ. Это потребует включения в информационную базу также отдельных положений о таких признаках, указываемых в постановле-

ниях Пленума Верховного Суда РФ о практике применения отдельных статей УК РФ, а также учета судебной практики по конкретным делам, решения по которым прошли проверочные стадии, «устояли» и могут быть рекомендованы правоприменителю как правильные по вопросам применения той или иной нормы Особенной части УК РФ. Это существенно облегчит принятие решений в момент возбуждения уголовного дела, а также будет востребованным и в последующем производстве расследования, и при рассмотрении уголовного дела. В настоящее время такого рода информацию можно получить в научных статьях, в некоторых учебниках по уголовному праву, в отдельных комментариях к УК РФ.

Правоприменителю достаточно трудно искать подобные подсказки в неопределенном объеме научных исследований, тогда как компьютерная программа проверки сообщений о преступлении могла бы содержать неограниченный и развивающийся объем информации, систематизировав ее применительно к каждому признаку каждого состава преступлений в форме информационных ссылок «i» на полях размещаемого в программе текста УК РФ. Открыв такую ссылку, правоприменитель видел бы, посредством каких фактических обстоятельств проявляет себя тот или иной признак данного состава преступления. Это позволяло бы проверить правильность собственного представления о наличии достаточных признаков, показывало бы, какие фактические обстоятельства требуется установить дополнительно, какую из возможных статей Особенной части УК РФ можно было бы применить к обстоятельствам данного сообщения.

Современные технологии позволяют заложить в компьютерную программу еще и задачу автоматического поиска наиболее подходящих вариантов: текст электронного бланка, заполненный заявителем, позволит компьютерной программе ориентировочно выявить и пред-

²³ Примеры анализа признаков состава преступления о взяточничестве можно увидеть в некоторых научных статьях (например: Попов И. А. Доказывание предмета взятки как необходимое условие привлечения к уголовной ответственности // *Мировой судья*. 2018. № 3 ; Яни П. С. Достаточность доказательств по делам о взяточничестве // *Законность*. 2018. № 9 ; Говорков Н. Доказывание получения взятки // *Законность*. 2008. № 8 ; Обидин К. В. Особенности предмета доказывания по делам о взяточничестве // *Уголовное судопроизводство*. 2017. № 4). Однако правоприменителю крайне сложно отыскивать такого рода подсказки в короткие сроки проверки сообщения о преступлении.

²⁴ Подобный подход широко применяется в странах прецедентного права, где в информационные системы вводится огромный объем данных о фактических обстоятельствах дел, давших правовой системе соответствующий прецедент и практику его многолетнего применения.

ложить возможные варианты квалификации субъекту расследования. Решение будет принимать человек, но он получит возможность учесть конкуренцию норм, выбирая наиболее адекватную квалификацию, а также учесть риски неправильной квалификации и будет обязан это сделать. Это могло бы способствовать повышению качества проверочной деятельности на этом этапе, потому что без достаточных фактических данных система может ставить препятствия к заполнению и распечатыванию бланка решения. Например, это позволило бы существенно снизить возможность волюнтаристских решений о возбуждении уголовного дела без достаточных признаков преступления, что сегодня все еще встречается, в том числе при возбуждении отдельных дел об экономических или должностных преступлениях. Это могло бы прервать порочную практику квалификации преступления «с запасом» только для того, чтобы можно было получить решение суда о заключении подозреваемого/обвиняемого под стражу уже в первые дни производства по делу. Это позволило бы восстановить действие необоснованно игнорируемого в досудебном производстве института прекращения уголовного дела, который явно недостаточно используется в силу статистических показателей успешности расследования только при направлении дела в суд²⁵.

Применение подобной программы могло бы повлиять и на качество принимаемых решений. Компьютер мог бы давать рекомендации правоприменителю по вопросу о возможности возбуждения дела с указанием его предметной подследственности. При недостаточности данных о признаках состава преступления или наличии иных юридических оснований правоприменитель получал бы рекомендацию отказать в возбуждении дела с «подсказкой» фактических или юридических оснований. Разработка подобной компьютерной программы, на мой взгляд, потребует исключения такого вида решения, как передача сообщения по подследственности (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ). Представляется, что такой вид решения не должен иметь места в данной стадии. Как показывает современная практика, принятие такого решения по сообщению о преступлении

необоснованно затягивает принятие решения по существу сообщения, приводит к утрате возможных доказательств по делу, к фактической невозможности в последующем восполнить эти утраты и завершить досудебное производство реальным обеспечением потерпевшему права на доступ к правосудию путем направления дела в суд. Многочисленные жалобы лиц, пострадавших от преступления, результаты прокурорских проверок наглядно свидетельствуют о неэффективности такого неопределенного решения по заявлениям и сообщениям о преступлении. Орган, первым получивший сообщение о преступлении, обязан сделать все необходимое и возможное для принятия одного из двух указанных выше решений, и для этого достаточно процессуальных средств в данной стадии процесса. Если в последующем будет выяснена иная подследственности дела, оно может быть направлено по подследственности, но уже с полученными и зафиксированными материалами проверки и доказательствами, полученными в порядке неотложных следственных действий. Может быть принято решение и о последующем прекращении уголовного дела, если в ходе расследования будет установлено любое из оснований для прекращения дела или уголовного преследования конкретного лица. И такое решение вполне законно, что и должно найти реализацию в практике. Тем более ничто не препятствует возможности изменения квалификации, которая была предложена по первичным материалам, не нашла подтверждения в ходе расследования, но установлены признаки иного состава преступления. Двух решений, указанных в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, вполне достаточно для начального этапа производства по уголовному делу. При этом возбуждение дела будет сопровождаться обязанностью лица, принявшего такое решение, произвести незамедлительно все неотложные следственные действия, обусловленные характером и особенностями дела.

Предлагаемое построение автоматизированной системы приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлении, на мой взгляд, могло бы обеспечить полный учет и преступлений, и потерпевших. Это практически исключило бы субъективный фактор

²⁵ Судебная статистика свидетельствует, что уже многие годы суды прекращают производством до 20 % рассматриваемых уголовных дел, тогда как основания для их прекращения имелись в материалах дела уже в досудебном производстве (см.: Воскобитова Л. А. Возбуждение и прекращение уголовного дела, анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 3—6).

влияния на сам факт регистрации сообщений. Своевременность и оперативность реакции на сообщение о преступлении, облегчение проверки и принятия решения, безусловно, могли бы способствовать повышению раскрываемости преступлений и защиты прав потерпевших. Это подтверждается и опытом тех зарубежных государств, где уже ведутся или завершены такие работы²⁶. Следует признать, что переход на электронные, цифровые системы учета обращений граждан начал разрабатываться в некоторых зарубежных государствах еще в конце 1990-х гг., поэтому у России есть возможность воспользоваться уже проверенным зарубежным опытом, адаптировав программы к условиям российской практики. Однако эта задача может быть решена только на уровне руководителей государства в порядке международного сотрудничества. Поэтому такие меры целесообразно включать в число среднесрочных и долгосрочных задач для совершенствования практики российского уголовного судопроизводства.

В российской практике предпринимаются попытки автоматизировать начальный этап работы по делу, решить отдельные вопросы, возникающие при рассмотрении дел судами различных инстанций. К сожалению, в такой цифровизации уголовного судопроизводства пока преобладает ведомственный подход, когда цифровые технологии «вписываются» в общую работу того или иного ведомства. Например, в органах МВД есть единый автоматизированный учет обращений. Однако применительно к уголовному судопроизводству его существенный недостаток состоит в том, что он не позволяет автоматически выделять в автономную базу сообщения о преступлениях²⁷. Для того чтобы выбрать и проанализировать эти обращения, их необходимо распечатать на бумажном носителе, поручить должностному лицу традиционную проверку и получить от него соответствующие результаты. Ведущая роль в такой деятельности традиционно переходит от автоматизированной системы к долж-

ностному лицу с преобладанием субъективного фактора, что и обуславливает проблемы, обозначенные выше. Представляется, что использование не ведомственных, а единой государственной цифровой регистрационной системы является наиболее эффективным средством снижения воздействий субъективного фактора. Это может реально обеспечить доступ потерпевших к правосудию уже на этапе первичных действий органов государства по регистрации и учету обращений, обязанности рассмотреть эти обращения и дать мотивированный ответ.

Однако это не единственная возможность цифровизации уголовного судопроизводства. Для повышения качества и избавления от негативных тенденций в современном российском уголовном судопроизводстве необходим целостный и системный подход к цифровизации всей этой деятельности. Такая программа не должна быть ориентирована на отдельные ведомства или государственные органы. Уголовное судопроизводство должно рассматриваться как единая государственно-властная деятельность, начинающаяся с появления сообщения о совершенном преступлении и завершающаяся окончательным разрешением всех материально-правовых и процессуально-правовых вопросов по данному делу. Следовательно, процесс цифровизации уголовного судопроизводства должен строиться на единой платформе, связывающей не только все стадии производства, но и должностных лиц любого из ведомств, осуществляющих отдельные этапы этой деятельности. Более того, она должна быть в пределах, установленных законом, доступна всем участниками процесса, чьи права и интересы затрагиваются данной деятельностью. Это должна быть гибкая цифровая система, обеспечивающая по одним параметрам тайну производства, в том числе тайну следствия, охрану чести и достоинства человека, его право на тайну личной жизни, семейную и другие охраняемые законом тайны. Но по другим параметрам она должна быть открыта для доступа человека, вовлекаемого в данное

²⁶ См.: Атакиши А. М. Влияние цифровизации на реализацию принципа состязательности в уголовном судопроизводстве отдельных государств // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. С. 167 ; Вилкова Т. Ю. Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Там же. С. 236 и др.

²⁷ Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (в ред. от 07.11.2018) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных нарушениях, о происшествиях» // СПС «КонсультантПлюс».

производство, его защитника, представителя. А по некоторым параметрам, не противоречащим закону, она должна быть доступна и иным лицам, например для проведения научных исследований и обобщения практики уголовного судопроизводства по уже разрешенным уголовным делам; для средств массовой информации, обеспечивающих обществу доступ к информации о судопроизводстве по отдельным делам или при общественном обсуждении отдельных правовых проблем, а иногда и для защиты прав человека в сфере уголовного судопроизводства и т.п.

Будет ли этап цифровизации учета обращений потерпевших интегрирован в действующую стадию возбуждения уголовного дела или такая система потребует иного правового регулирования начального этапа выявления и регистрации преступлений — это вопрос, требующий более глубокого самостоятельного изучения. На протяжении ряда лет некоторые авторы настойчиво предлагают отказаться от стадии возбуждения уголовного дела, полагая, что ее проблемы таким образом будут решены²⁸. Между тем есть существенные риски в такой реформе досудебного производства, о чем было много сказано в научной дискуссии, проведенной журналом «Библиотека криминалиста. Научный журнал»²⁹. Главная проблема — недостаточно изучены последствия отказа от данной стадии и остается неясным, что произойдет с начальным этапом уголовного судопроизводства при устранении этой стадии? Функциональный подход к обсуждению данной проблемы³⁰ показывает, что в досудебном производстве объективно существуют и реализуются несколько содержательных задач и функций по их разрешению. На начальном этапе всегда возникает задача отделения сообщений о преступлении от иных обращений в правоохранительные органы. Уголовно-процессуальная деятельность осуществляется только по сообщениям

о преступлениях и не должна использоваться, если речь идет не о преступлении. Исключение стадии возбуждения уголовного дела не отменяет указанной задачи и не освобождает правоохранительные органы от этой проверочной и «разделительной» деятельности. Другая содержательная задача и соответствующая ей функция — это познание фактических обстоятельств дела, имеющих юридическое значение. Она возникает уже при проверке сообщения о преступлении и продолжается, разворачиваясь и углубляясь, в ходе расследования. Но познавательная задача имеет самостоятельное значение и возникает только после того, как принято решение о наличии признаков состава преступления. Следовательно, не решив первой задачи, не имеет смысла переходить к решению второй.

Первоначальное регулирование стадии возбуждения уголовного дела, каким оно было в УПК РСФСР, в большей мере соответствовало функциональной характеристике процессуальной деятельности. Современные изменения регулирования данной стадии не функциональны, поэтому стадия перестала соответствовать стоящим перед нею задачам, она стала неэффективной не потому, что она не нужна, а потому, что ее регулирование искажает ее смысл и назначение. Если эту стадию упразднить, процессуальная задача отграничения сообщений о преступлениях от иных сообщений останется. Без этого процессуальная деятельность окажется перегруженной множеством проверок, не имеющих к расследованию преступления никакого отношения. Это потребует существенного увеличения штата сотрудников, осуществляющих такие проверки. Это приведет к возможности использования процессуального принуждения, производству следственных действий и пр. в случаях, когда признаков преступления нет и совершенно невозможно предугадать, появятся ли они в ходе такой проверки. Неясным

²⁸ Например: *Вицин С. Е.* Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; *Деришев Ю. В.* Стадия возбуждения уголовного дела — реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34—36; *Быков В. М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 53—67; *Гаврилов Б. Я.* Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 7—10; *Он же.* Современный уголовно-процессуальный закон и реалии его правоприменения // Российский следователь. 2010. № 4. С. 17—19; *Володина Л. М.* Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4. С. 5—11.

²⁹ См.: Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 20—202.

³⁰ См.: *Воскобитова Л. А.* Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 32 (42). С. 24—38.

остаётся и вопрос о последствиях процессуальной принудительной деятельности, с вероятностью способной затронуть честь и достоинство отдельных лиц, их права, при неподтверждении сообщения или установлении неправомерного характера события. Без глубокого и широкого обсуждения всего комплекса вопросов, связанных со стадией возбуждения уголовного дела и последствиями отказа от такой стадии,

кардинальное реформирование может оказаться поспешным и губительным для качества уголовного судопроизводства в целом. Представляется, что меры по цифровизации данной стадии уголовного процесса могут дать более эффективное решение как для укрепления гарантий прав человека, потерпевшего от преступления, так и для повышения качества самого досудебного производства в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Антонян Е. А., Аминов И. И.* Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6.
2. *Атакиши А. М.* Влияние цифровизации на реализацию принципа состязательности в уголовном судопроизводстве отдельных государств // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума. — М. : Проспект, 2019. — Ч. 3.
3. *Бормотова Л. В.* Особенности информационно-коммуникативного обеспечения уголовного судопроизводства // Вестник ОГУ. — 2013. — № 3. — С. 24—27.
4. *Быков В. М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. — 2006. — № 7. — С. 53—67.
5. *Вилкова Т. Ю.* Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума. — М. : Проспект, 2019. — Ч. 3.
6. *Вицин С. Е.* Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2003. — № 6.
7. *Володина Л. М.* Досудебное производство и механизм доступа к правосудию // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума. — М. : Проспект, 2019. — Ч. 3.
8. *Володина Л. М.* Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. — № 4.
9. *Воскобитова Л. А.* Возбуждение и прекращение уголовного дела, анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. — 2010. — № 2.
10. *Воскобитова Л. А.* Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 32 (42).
11. *Гаврилов Б. Я.* Досудебное производство в XXI веке: современное состояние и перспективы совершенствования // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума. — М. : Проспект, 2019. — Ч. 3.
12. *Гаврилов Б. Я.* Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. — 2010. — № 2.
13. *Гаврилов Б. Я.* Современный уголовно-процессуальный закон и реалии его правоприменения // Российский следователь. — 2010. — № 4.
14. *Говорков Н.* Доказывание получения взятки // Законность. — 2008. — № 8.
15. *Дерешев Ю. В.* Стадия возбуждения уголовного дела — реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. — 2003. — № 8.
16. *Карнозова Л. М.* Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. — М. : Валент, 2010.
17. *Лунеев В. В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М. : Норма, 1997.
18. *Масленникова Л. Н.* Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6.
19. *Масленникова Л. Н., Собенин А. А.* Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. — 2019. — № 6.

20. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. — 5-е изд. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — Т. 1.
21. Обидин К. В. О соотношении оснований для возбуждения уголовного дела и оснований для предъявления обвинения в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6.
22. Обидин К. В. Особенности предмета доказывания по делам о взяточничестве // Уголовное судопроизводство. — 2017. — № 4.
23. Оконенко Р. И. Доказательственное право Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в информационную эпоху: уголовно-процессуальный аспект // Юридический вестник СамГУ. — 2015. — Т. 1. — № 3.
24. Панеях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. — СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2018.
25. Попов И. А. Доказывание предмета взятки как необходимое условие привлечения к уголовной ответственности // Мировой судья. — 2018. — № 3.
26. Собенин А. А. К вопросу о процессуальной форме досудебного производства в условиях развития цифровых технологий // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума. — М. : Проспект, 2019. — Ч. 3.
27. Таболина К. А. К вопросу о высокотехнологичном надзоре прокурора в уголовном процессе // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума. — М. : Проспект, 2019. — Ч. 3.
28. Яни П. С. Достаточность доказательств по делам о взяточничестве // Законность. — 2018. — № 9.

Материал поступил в редакцию 5 февраля 2020 г.

REFERENCES

1. Antonyan EA, Aminov II. Blokcheyn-tekhnologii v protivodeystvii kiberterrorizmu [Blockchain Technologies in Countering Cyberterrorism]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2019;6. (In Russ.)
2. Atakishi AM. Vliyanie tsifrovizatsii na realizatsiyu printsipa sostyazatelnosti v ugovnom sudoproizvodstve ot delnykh gosudarstv [The Influence of Digitalization on the Implementation of the Principle of Competitiveness in Criminal Proceedings of Certain States]. In: *The Russian Legal System in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution : Proceedings of the VI Moscow Legal Forum. Part 3*. Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)
3. Bormotova LV. Osobennosti informatsionno-kommunikativnogo obespecheniya ugovnogo sudoproizvodstva [Peculiarities of information and communicative support of criminal proceedings]. *Vestnik of OSU*. 2013;3:24—27. (In Russ.)
4. Bykov VM. Problemy stadii vobuzhdeniya ugovnogo dela [Problems of the Stage of Initiation of Criminal Proceedings]. *Journal of Russian Law*. 2006;7:53—67. (In Russ.)
5. Vilkova TYu. Dosudebnoe proizvodstvo v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom: sravnitelnyy analiz [Pre-Trial Proceedings under the Conditions of Development of Digital Technologies in Russia and Abroad: A Comparative Analysis]. In: *The Russian Legal System in the Conditions of the 4th Industrial Revolution: Proceedings of the 6th Moscow Legal Forum. Part 3*. Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)
6. Vitsin SE. Institut vobuzhdeniya dela v ugovnom sudoproizvodstve [A Institution of Initiation of Proceedings in Criminal Proceedings]. *Russian Justitia*. 2003;6. (In Russ.)
7. Volodina LM. Dosudebnoe proizvodstvo i mekhanizm dostupa k pravosudiyu [Pre-trial Proceedings and Access to Justice Mechanisms]. In: *The Russian Legal System in the Conditions of the 4th Industrial Revolution: Proceedings of the 6th Moscow Legal Forum. Part 3*. Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)
8. Volodina LM. Problemy reglamentatsii vobuzhdeniya ugovnogo dela [Problems of regulation of initiation of criminal case]. *Library of a Criminalist. Academic Journal*. 2013;4. (In Russ.)
9. Voskobitova LA. Vobuzhdenie i prekrashchenie ugovnogo dela, analiz sledstvennoy praktiki [Initiation and Termination of a Criminal Case, an Analysis of Investigatory Practice]. *Criminal Judicial Proceeding*. 2010;2. (In Russ.)
10. Voskobitova LA. Funktsionalnaya model ugovnogo sudoproizvodstva [A functional model of criminal proceedings]. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;32(42). (In Russ.)

11. Gavrilov BYa. Dosudebnoe proizvodstvo v XXI veke: sovremennoe sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya [Pre-trial Proceedings in the 21st Century: Current State and Prospects of Improvement]. In: *The Russian Legal System in the Conditions of the 4th Industrial Revolution: Proceedings of the 6th Moscow Legal Forum*. Part 3. Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)
11. Gavrilov BYa. Realii i mify vzbuzhdeniya ugovnogo dela [Realities and myths of initiation of criminal proceedings]. *Criminal Judicial Proceeding*. 2010;2. (In Russ.)
11. Gavrilov BYa. Sovremennyy ugovno-protsessualnyy zakon i realii ego pravoprimeneniya [Modern Criminal Procedure Law and the Realities of its Enforcement]. *Russian Investigator*. 2010;4. (In Russ.)
14. Govorkov N. Dokazyvanie polucheniya vzyatki [Proving of Receiving a Bribe]. *Zakonnost*. 2008;8. (In Russ.)
15. Derishev YuV. Stadiya vzbuzhdeniya ugovnogo dela — relikht «sotsialisticheskoy zakonnosti» [The Stage of Initiation of Criminal Proceedings — a Relic of “Socialist Legality”]. *Russian Justitia*. 2003;8. (In Russ.)
16. Karnozova LM. Ugolovnaya yustitsiya i grazhdanskoe obshchestvo. Opyt paradigmalnogo analiza [Criminal Justice and a Sivil Society. Experience of Paradigmatic Analysis]. Moscow: Valent; 2010. (In Russ.)
17. Luneev VV. Mirovye, regionalnye i rossiyskie tendentsii [Crime of the 20th Century. World, Regional and Russian Tendencies]. Moscow: Norma; 1997. (In Russ.)
18. Maslennikova LN. Transformatsiya dosudebnogo proizvodstva v nachalnyy etap ugovnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchiy dostup k pravosudiyu v eru industry 4.0 [Transformation of Pre-Trial Proceedings into the Initial Stage of Criminal Proceedings Providing Access to Justice in the Era of Industry 4.0]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2019;6. (In Russ.)
19. Maslennikova LN, Sobenin AA. Registratsiya soobshcheniya o prestuplenii i nachalo rassledovaniya v novoy tsifrovoy realnosti [Registration of the report on the crime and the beginning of the investigation in the new digital reality]. *Russian Investigator*. 2019;6. (In Russ.)
20. Naumov AV. Rossiyskoe ugovnoe pravo : kurs lektsiy [Russian Criminal Law: A Course of Lectures]. 5th ed. Vol. 1. Moscow: Volters Kluver; 2011. (In Russ.)
21. Obidin KV. O sootnoshenii osnovaniy dlya vzbuzhdeniya ugovnogo dela i osnovaniy dlya predyavleniya obvineniya v usloviyakh tsifrovizatsii ugovnogo sudoproizvodstva [The Ratio of Grounds for Initiation of Criminal Proceedings and Grounds for Bringing Charges in the Conditions of Digitalization of Criminal Proceedings]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2019;6. (In Russ.)
21. Obidin KV. Osobennosti predmeta dokazyvaniya po delam o vzyatochnichestve [Features of the Subject of Proof in Cases of Bribery]. *Criminal Judicial Proceeding*. 2017;4. (In Russ.)
23. Okonenko RI. Dokazatelstvennoe pravo rossiyskoy federatsii i soedinennykh shtatov ameriki v informatsionnyy epokhu: ugovno-protsessualnyy aspekt [Evidence Law of the Russian Federation and the United States of America in the Information Age: a Criminal Procedural Aspect]. *Juridical Journal of Samara University*. 2015;1(3). (In Russ.)
24. Paneyakh E, Titayev K, Shklyaruk M. Traektoriya ugovnogo dela: institutsionalnyy analiz [Trajectory of a Criminal Case: An Institutional Analysis]. St. Petersburg: European University Publishing House; 2018. (In Russ.)
25. Popov IA. Dokazyvanie predmeta vzyatki kak neobkhodimoe uslovie privlecheniya k ugovnoy otvetstvennosti [Proving the Subject Matter of a Bribe as a Necessary Condition for Criminal Prosecution]. *Magistrate Judge*. 2018;3. (In Russ.)
26. Sobenin AA. K voprosu o protsessualnoy forme dosudebnogo proizvodstva v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy [On the Procedural Form of Pre-Trial Proceedings in the Conditions of Development of Digital Technologies]. In: *The Russian Legal System in the Conditions of the 4th Industrial Revolution: Proceedings of the 6th Moscow Legal Forum*. Part 3. Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)
27. Tabolina KA. K voprosu o vysokotekhnologichnom nadzore prokurora v ugovnom protsesse [High Tech Supervision of the Prosecutor in Criminal Proceedings]. In: *The Russian Legal System in the Conditions of the 4th Industrial Revolution: Proceedings of the 6th Moscow Legal Forum*. Part 3. Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)
28. Yani PS. Dostatochnost dokazatelstv po delam o vzyatochnichestve [Sufficiency of Evidence in Cases of Bribery]. *Zakonnost*. 2018;9. (In Russ.)